

Дарья Александровна Шиханцова

аспирант 3-го года обучени каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Darya Shikhantsova

3-d Year Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Methodology of Science
of Belarusian State University

e-mail: shihanzowadarr@gmail.com

ФЕНОМЕН ЛИМИНАЛЬНОСТИ И НАРРАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Исследовано соотношение понятий лиминальности и нарратива, раскрыто более узкое понятие Я-нарратива в контексте лиминальных переходов. Дано определение лиминальности как трансфера для формирования новых смыслов и структур. Сформулирована цель лиминальности в обеспечении социальной мобильности через реконструкцию смыслов, что возможно посредством глубокой связи между лиминальностью и нарративом. Определена специфика современного нарратива, его место в социальных трансформациях. Цель исследования – реконструкция связи между понятиями лиминальности и нарратива, определение механизмов смыслообразования как лиминальных. Уделено внимание особенностям Я-нарратива как инструмента для понимания переходной, или лиминальной, идентичности. Раскрыты функции нарративной динамики, реализуемые в контексте лиминальных трансформаций субъекта. Влияние лиминальных трансформаций и нарративной коммуникации определено взаимным.

Ключевые слова: лиминальность, нарратив, нарративная коммуникация, идентичность, кризис идентичности, смыслообразование.

The Phenomenon of Liminality and Narrative Communication

The article examines the relationship between the concepts of liminality and narrative, including the narrower concept of Self-narrative in the context of liminal transitions. Liminality is defined as a transfer for the formation of new meanings and structures. The aim of liminality is to ensure social mobility through the reconstruction of meanings, which is possible through a deep connection between liminality and narrative. The specifics of the modern narrative and its place in social transformations are determined. The purpose of the study is to reconstruct the relationship between the concepts of liminality and narrative, and to identify the mechanisms of meaning formation as liminal. Attention is paid to the peculiarities of the Self-narrative as a tool for understanding transitional or liminal identity. The functions of narrative dynamics realized in the context of liminal transformations of the subject are revealed. The influence of liminal transformations and narrative communication is determined to be mutual.

Key words: liminality, narrative, narrative communication, identity, identity crisis, sense formation.

Введение

Современное общество с его мобильностью характеризуется феноменами множественной идентичности и интерактивностью, что трансформирует массовую коммуникацию в сложную систему с противоречивыми и дополняющими друг друга элементами. Иерархичность, обладавшая ранее формальной ясностью, стирается, превращаясь в адаптивную иерархию, позиция субъектов в которой оказывается неопределенной. Повседневное общение реализуется в условиях равнозначности субъектов. Во многом этому способствовало развитие социальных сетей и

анонимности цифровой коммуникации. Тем самым современная коммуникация как система обладает способностью к самоорганизации, стирая пространственные и статусные границы между субъектами.

Гибкость и динамичность современной коммуникации создает ситуацию, где субъект коммуникации не имеет четких рамок. В данных обстоятельствах поднимается вопрос о лиминальности современного человека, даже хронической лиминальности как таковой, а также о взаимодействии лиминальности и нарративной коммуникации, которая реализует себя преимущественно в повседневном общении.

Целью исследования является реконструкция связи между понятиями лиминаль-

Научный руководитель – Елена Викторовна Хомич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета

ности и нарратива, определение механизмов смыслообразования как лиминальных.

Основная часть

Понятие лиминальности обладает дискуссионным статусом, поскольку его концептуализация еще требует фундаментальных междисциплинарных и метатеоретических обобщений. Дефиниции лиминальности сегодня расходятся от узких антропологических до широких, используемых в философии и психологии.

Понимание термина «лиминальность» имеет междисциплинарные различия. Наиболее «традиционным» пониманием является антропологическое, в рамках которого лиминальность трактуется как часть обряда перехода, что реализуется в работах классиков лиминальности В. Тэрнера [1], А. ван Геннепа [2]. Во время промежуточного, лиминального периода особенности ритуального субъекта двойственны. Лиминальность обозначает себя там, где субъект обряда перехода вступает в пространство неустойчивой идентификации.

Выступая как пороговое явление, лиминальность характеризуется амбивалентностью. Подобно порогу или границе лиминальность обеспечивает социальную мобильность через сакральный ритуал, четкость которого с усложнением социальной жизни была утрачена. Влияние присущих лиминальности состояний способно воссоздать определенные экзистенциальные трудности для субъектов, будь то личность или общество в целом [3, с. 103].

Ключевой целью лиминальности является обеспечение социальной мобильности через реконструкцию смыслов, которая достигается путем реализации функций нарративной коммуникации. Исследователь психоанализа Л. Фусу отмечает, что в рамках антропологического подхода лиминальность это – «дефиниция, которая определяет динамические и процессуальные состояния общества и/или отдельных индивидуумов, которым присущи такие свойства, как: фрактальность, дуальность, пространственно-временные особенности» [4, с. 146].

Согласно М. Спарису, вопрос различия лиминальности и маргинальности – это вопрос соотношения понятий с центром и границей. В случае с маргинальностью мы имеем ситуацию, где центр доминирует над

маргинальным, а маргинальное пытается выместить центр и занять его место. Маргинальное может быть лиминальным, но лиминальное быть маргинальным не может [5, с. 112]. Таким образом, лиминальность не является частью конфликта власти между центром и периферией.

Одной из значимых общественных потребностей является концептуализирующее единство. Реализация коммуникации в условиях всех существующих культурных смыслов невозможна, из-за чего концептуальное «полотно» разбивается на части в соответствии с возможностями и потребностями субъектов коммуникации. Интерактивность и динамичность современной коммуникации рождает необходимость расширения контекста использования понятия «нарратив». Современные интерпретации через критику метанарратива переходят к его акцентуации в контексте феномена идентичности.

Формирование концепта Я-нарратива подняло вопрос об автобиографии как образе мышления человека, где Я-нарратив представляет собой «личный миф», который складывается в подростковом возрасте и пересматривается всю последующую жизнь [6, с. 98].

Я-нарратив выступает не только как способ рефлексии, но и как единственно возможная форма реконструкции личности во времени и конкретной ситуации. Нарративы активно участвуют в организации опыта, формировании интенций, структурировании памяти и общении [7, с. 4]. Конструирование идентичности посредством нарратива, т. е. повествовательного акта, склоняет к встроенности в дискурс, когда метанарратив оказывается подавляющим. Метанарратив не только формулирует правила для социального взаимодействия, но также определяет категории, в рамках которых реализуется мышление индивида. Идентичность мыслится как осуществляемая в дискурсе, а не существующая до него, как подвижная, а не фиксированная, как культурно-историческая, сконструированная в интеракциях, как непрерывно меняющаяся и противоречивая [7, с. 6].

Центр внимания нарратива – критические моменты существования, разрушающие рутинное существование. Автобиография не рассказывает о ежедневном труде,

но презентует «пиковые» моменты жизни, пороговые состояния человека – лиминальные переходы. Для психологической структуры это означает, что герой переживает кризис, после которого его «мир» должен быть выстроен по новым правилам в соответствии с новыми ориентирами [7, с. 7]. Ф. Анкерсмит характеризует ключевые трансформирующие личность эпизоды жизненного опыта как «травму идентичности», в контексте которой структура истории приобретает разрыв, формирующий пространства «до» и «после» в развитии личности, акцентируя трансформации [8, с. 514].

Нарративная идентичность, являясь выражением уникального опыта, раскрывается только в более широком культурном контексте. Любому повествованию свойственна интертекстуальность, т. е. каждый текст является производным от какого-то текста и отсылает к будущим текстам [7, с. 9].

Повседневная коммуникация в постмодернистском обществе усложняется дифференцированными способами коммуникации, которые оказывают взаимное влияние друг на друга. Мир, созданный информацией, в котором рассказ заменяет реальность, – это мир непрерывной коммуникации. Нарративная коммуникация упорядочивает опыт познания мира, создавая основания для диалога. Язык и речь выступают главными средствами социального конструирования реальности [9, с. 183].

Нарратив также рассматривается как коммуникативное взаимодействие в контексте повседневности, как языковая игра, передающая правила социальной жизнедеятельности и способ закрепления социального порядка [3, с. 8]. Назначение нарративной коммуникации в воспроизводстве смыслов, консолидации культурного опыта субъектов в единое концептуальное полотно, что обеспечивает преемственность культуры и опыта. Как отмечает Е. О. Труфанова, с точки зрения К. Гергена, нарратив создается непосредственно индивидуумом, тем не менее он формируется в рамках налагаемых языком социокультурных ограничений [9, с. 184].

Формулирование личного нарратива в форме автобиографии позволяет реконструировать образ Я и тем самым раскрыть личность как вариативный конструкт, изменяемый во времени по инициативе самого ак-

тора. Предполагается, что Я-нарратив создается с помощью разума, т. е. целенаправленно, а не спонтанно [9, с. 187]. Таким образом, создание собственного нарратива является привилегией, обусловленной интенциями возможности и желания самопознания и реконструкции. Однако мы можем судить о том, что элементы Я-нарратива могут раскрываться только в рамках ретроспекции. Поскольку лиминальные переходы в актуальное время часто являются «невидимыми» и лишены ритуального характера, промежутки личностных перемен не всегда замечаются индивидом в настоящем. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда перемена идентичности не учитывается автором – героем в повествовании, однако нарратив продолжается во времени, включая прошлое и будущее, и в этом смысле часть повествования «пишется» именно спонтанно.

Нарратив создается отнюдь не из сугубо реальных событий и фактов – здесь реальность сочетается с фантазией, причем не принципиально, в каких пропорциях они сочетаются. Человек сам определяет значимость каждого из событий для внедрения его в конструкцию собственного Я [9, с. 188]. Таким образом, мы сталкиваемся с радикальной психологизацией повествования, частично сформулированной под влиянием когнитивных ошибок и предвзятости. Также нельзя полагать, что Я-оценка индивида является адекватной, поскольку четких критериев адекватности не существуют.

Подводя промежуточный итог, мы можем определить Я-нарратив как лингвистическое и коммуникативное выражение персональной истории. Хотя нарратив использует преимущественно повседневную речь, он сконцентрирован на «пороговых» промежутках жизни, которые являются лиминальными. Я-нарратив динамичен, открыт, протянут во времени и не может быть оценен объективно.

Нарративная коммуникация, где каждый автор повествует о своей жизни непрерывно и полифонично, в масштабе общества является средством выражения нарратива, его алгоритмом. Можно выделить следующие функции нарративной коммуникации: познавательная; коллективного воспроизводства смыслов и значений; включение индивида в социум; обучающая; инди-

видуализация; группообразование; социальный контроль; адаптационная [10, с. 9].

Последовательность реализации функций нарративной коммуникации соответствует последовательности лиминального перехода, который включает дезорганизацию смыслов лиминального субъекта, его трансформацию (сама лиминальность), а также смыслоконструирование, за которыми следует интеграция в новое коммуникативное поле. Хотя лиминальный переход является процедурно четким, в условиях современного общества отследить лиминальные трансформации практически невозможно, в т. ч. из-за того, что протяженность лиминального перехода во времени непредсказуема.

Темпоральность лиминальности вызывает затруднения, поскольку акцентирует амбивалентность лиминального субъекта, существующего в нескольких ипостасях – «прошлой» и «будущей». Так, совершеннолетний человек, находясь в ипостаси взрослого человека в контексте права, все же обладает свойствами подростка – недостатком сепарации от ответственного взрослого, ограниченностью критического мышления, а также отсутствием опыта, которые конструируются путем проживания «взрослой» жизни. Вместо того чтобы образовать третью ипостась, подобное смещение создает пространство неопределенности и полифонии, разбивающее идентичность человека.

Темпоральная ненадежность, возникающая в контексте лиминального перехода, усугубляет шаткость идентичности. Так и нарратив имеет сложную временную организацию, поскольку жизненная история – это «история, которая одновременно рассказывает о прошлом, настоящем и процессе, в котором они сливаются воедино» [11, с. 250]. Жизненная история также рассказывает о будущем, поскольку прогнозирование – это естественное продолжение рефлексии. Так, вместо литературного темпорального расчленения нарратив реализуется в контексте взаимопроникновения и проецирования трех модальностей человеческого существования.

Попытка обретения новой актуальной самости сопровождается внутренним кризисом, потерей самопонимания. Индивидуализация обеспечивает лиминального субъекта средствами к самовыражению, личному устремлению в ходе трансформации.

Особенности современной коммуникации обращают Я-нарратив в осознанно сформулированный текст, часто скрывающий неосознанные связи. Отмечается, что позиция автора в контексте формирования Я-текста особенно важна, поскольку это формирует структурность и фрагментированность персонального нарратива. Не сформировав позиции автора, индивид будет находиться в состоянии нестабильной, дефрагментированной, кризисной идентичности, означающей, что ему не на что опереться, что ни внутри его, ни вовне нет «точек притяжения», на основе которых он мог бы сконструировать свое Я. Следовательно, авторство по отношению к Я-нарративу должно быть одной из важнейших характеристик современной личности [9, с. 190–191].

Особенностью современного нарратива является то, что социальный контроль ослаблен в сравнении с нарративом прошлых веков или даже десятилетий. Модели социального взаимодействия деструктурируются, тем самым порождая еще большее их количество.

Ключевую роль для создания необходимого смыслового и коммуникативного контекста играет популярная культура, которая задает образцы личности и поведения для индивидов. Хотя существуют маргинальные и элитарные модели культуры, способные стать образцом или вдохновением, в контексте тревожного неустойчивого образца универсализация является иллюзией спасения и стабильности. Т. Адорно и М. Хоркхаймер отметили угнетающую универсализацию культуры, в которой средства ее выражения и язык образуют «единую систему», частью которой является человек. Тотальная иммерсивность стирает любую негативную дистанцию мыслящего субъекта по отношению к культуре и миру в целом [12, с. 6]. Отмечая также пассивность субъекта по отношению к культуре, мы не можем согласиться с этим выводом, поскольку Я-нарратив стирает границы между авторством и существованием, подталкивая субъекта к активной позиции: осмыслению, фантазированию, прогнозированию.

Лиминальность осуществляет экспансию культуры, изучение новых культурных пространств [4, с. 147]. Новые пространства культуры реализуют новые средства выражения, символы, нарративную коммуника-

цию, которая становится основанием лиминальных преобразований уже в рамках нового пространства смыслов. Таким образом, лиминальность обеспечивает динамизм нарратива.

Социальные группы, переживая лиминальность, лишаются своей иерархичности и понимания собственных границ. Подобный опыт влечет за собой риски в виде утраты самобытных культур, разрушения идентичности субкультур, хронической «неукорененности» индивидов в обществе и пр. Поскольку лиминальность стирает границы внутри идентичности и между идентичностями, установленный образец взаимодействия и культурный образец разрушаются, неспособные объединять людей единым смысловым пространством. Одновременно лиминальность привносит в общественную жизнь новые субкультуры, формы искусства, перспективные междисциплинарные исследования, креативный политический и культурный опыт [3, с. 108].

В контексте творческого социального конструирования нарративная коммуникация рождает лингвистическое и образное разнообразие именно посредством того однообразия популярной культуры, которая задает конструктивный образец. Поэтому нарративная коммуникация выступает относительно безопасным пространством смыслов, деликатно трансформирующим

лиминального субъекта для достижения новой социальной роли.

Заключение

Современная коммуникация, обладая структурной неопределенностью, формирует условия для перманентной лиминальности субъекта. Лиминальный опыт, обладающий характеристиками амбивалентности, неопределенности и трансгрессивности, обеспечивает экспансию культуры и, соответственно, нарратива, преобразуя повседневный опыт и коммуникацию человека. Концептуализирующее пространство, обеспечиваемое нарративной коммуникацией, является основанием для личного смыслоконструирования лиминального субъекта. Таким образом, влияние лиминальных преобразований и нарративной коммуникации взаимно. Нарративная коммуникация вплетает лиминальность в повседневные реалии, обеспечивая возможность безопасных трансформаций субъекта, его смыслообразования и идентификации. Лиминальные преобразования, в свою очередь, создают трансфер для преобразования нарративных коммуникаций в соответствии с современными реалиями. Лиминальность обеспечивает гибкость и открытость нарративной коммуникации, которые требуются для развития культуры и диалога между разными социальными группами и представителями разных культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
2. Геннеп, А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Геннеп. – М. : Вост. лит., 1999. – 198 с.
3. Шиханцова, Д. А. Реконцептуализация лиминальности в современном социальном дискурсе / Д. А. Шиханцова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2025. – № 1 (168). – С. 103–110.
4. Фусу, Л. И. Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе / Л. И. Фусу // Кант. – 2018. – № 3 (28). – С. 143–148.
5. Spariosu, M. I. Computational Models of Intercultural Relations in Banat and Transylvania. Theoretical and Practical Issues / M. I. Spariosu // Romanian Journal of Information Science and Technology. – 2013. – Nr 16 (2–3). – P. 109–130.
6. Барский, Э. С. Метафизическая диалектика / Э. С. Барский. – СПб. : ВВМ, 2008. – 264 с.
7. Турушева, Ю. Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности / Ю. Б. Турушева // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 33. – URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/652/740> (дата обращения: 02.08.2025).
8. Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт / Ф. Анкерсмит. – М. : Европа, 2007. – 612 с.
9. Труфанова, Е. О. Я-нарратив и его автор / Е. О. Труфанова // Философия науки и техники. – 2010. – № 15. – С. 183–193.

10. Шуклина, Е. А. Коммуникативный подход: концептуальные модели, методологические особенности, функциональные характеристики / Е. А. Шуклина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2 (41). – С. 7–24.

11. Brockmeier, J. Narrative and Identify: Studies in Autobiography, Self and Culture / J. Brockmeier. – John Benjamins Publishing Company : Amsterdam/Philadelphia, 2001. – 307 p.

12. Хоркхаймер, М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. – 96 с.

REFERENCES

1. Terner, V. Simvol i ritual / V. Terner. – М. : Nauka, 1983. – 277 s.
2. Genner, A. Obryady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov / A. Genner. – М. : Vost. lit., 1999. – 198 s.
3. Shikhantsova, D. A. Rekontseptualizatsiya liminal'nosti v sovremennom sotsial'nom diskurse / D. A. Shikhantsova // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. – 2025. – № 1 (168). – S. 103–110.
4. Fusu, L. I. Kontseptsiya liminal'nosti: podkhody, sushchnost' ponyatiya, kharakteristiki proyavleniya v obshchestve na sovremennom etape / L. I. Fusu // Kant. – 2018. – № 3 (28). – S. 143–148.
5. Spariosu, M. I. Computational Models of Intercultural Relations in Banat and Transylvania. Theoretical and Practical Issues / M. I. Spariosu // Romanian Journal of Information Science and Technology. – 2013. – Nr 16 (2–3). – P. 109–130.
6. Barskii, E. S. Metafizicheskaya dialektika / E. S. Barskii. – SPb. : VVM, 2008. – 264 s.
7. Turusheva, Yu. B. Osobennosti narrativnogo podkhoda kak metoda izucheniya identichnosti / Yu. B. Turusheva // Psikhologicheskie issledovaniya. – 2014. – T. 7, № 33. – URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/652/740> (data obrashcheniya: 02.08.2025).
8. Ankersmit, F. Vozvyshennyi istoricheskii opyt / F. Ankersmit. – М. : Yevropa, 2007. – 612 s.
9. Trufanova, Ye. O. Ya-narrativ i ego avtor / Ye. O. Trufanova // Filosofiya nauki i tekhniki. – 2010. – № 15. – S. 183–193.
10. Shuklina, Ye. A. Kommunikativnyi podkhod: kontseptual'nye modeli, metodologicheskie osobennosti, funktsional'nye kharakteristiki / Ye. A. Shuklina // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2016. – № 2 (41). – S. 7–24.
11. Brockmeier, J. Narrative and Identify: Studies in Autobiography, Self and Culture / J. Brockmeier. – John Benjamins Publishing Company : Amsterdam/Philadelphia, 2001. – 307 p.
12. Khorkkhaimer, M. Kul'turnaya industriya. Prosveshchenie kak sposob obmana mass / M. Khorkkhaimer, T. Adorno. – М. : Ad Marginem Press, 2024. – 96 s.

Рукапіс наступїў у рэдакцыю 23.09.2025